

— Алексей Николаевич, вам не хотелось бы поговорить о любви?

Драматург Арбузов был несколько изумлен столь внезапным переходом от Гренобля, о котором он только что рассказывал, к любви.

— Понимаете, этот разговор, безусловно, заинтересует молодежь. Ведь вам все карты в руки: «Таня», «Годы странствий», «Иркутская история», «Мой бедный Марат»...

— Согласен при одном условии: если на те же вопросы, что вы зададите мне, ответит и женщина. Чтоб наша беседа не страдала этакой мужской однобокостью.

Вторым собеседником согласилась стать кинорежиссер Лариса Ефимовна Шепитько. Так появилась запись этого своеобразного интервью, когда каждый отвечал на вопросы по отдельности. Интервью непринужденного, кое в чем спорного, но, как нам кажется, достаточно интересного для читателей. Интервью вел наш корреспондент Е. Гортинский.

Однако счесть историю Ромео и Джульетты эталоном любви решительно нельзя — слишком уж мгновенным было их супружество. У людей недоверчивых невольно закрадывается вопрос — что стало бы с их любовью, проживи они совместно срок более долгий. Да еще с их импульсивными характерами.

Но в гриновская любовь, умение ждать, в той же мере как и безответная, преданная любовь Сольвейг к Пэр Гянту, не могут для нас быть мери-

конце своеобразным апофеозом всего этого является заявление 19-летней американской студентки о том, что техническая революция, выразившаяся и в создании современных гормональных противозачаточных средств типа «антибебин», должна свести интимные отношения между людьми к ни к чему не обязывающему акту, как рукопожатие или танец.

Шепитько: При чем здесь изобретение фармакологии? Ведь «умением» сводить любовь к отношениям элементарным, как рукопожатие, человечество отличалось во все времена.

Арбузов: Ваша бедная американская студентка вызывает у меня чувство острой жалости. В конце концов можно и аромат живых цветов заменить запахом дешевого одеколона. Можно и десятки тысяч слов свести к нечленораздельному бормотанию немого. Но кто от этого выиграет?

Журналист: В последнее время мы стали называть ханжеством чуть ли не любое вмешательство общества в личную жизнь. Правильно ли это? Разумеется, здесь речь идет не о тех ханжах, которые, как писал Гейне, тайком попивают вино, проповедуя воду публично, хотя это и наиболее страшная разновидность ханжества, пожалуй, более страшная, чем честное, упорное отстаивание отживших норм морали. Возможно ли не ханжеское вмешательство общества в личную жизнь? Есть ли у вас какие-либо конструктивные мысли по этому поводу?

Шепитько: Любое вмешательство общества в личную жизнь взрослых людей мне кажется бессмысленным и бесполезным. Влияние же на личную жизнь юношества может быть плодотворным, учитывая уже бесспорный факт того, что социальная зрелость современной молодежи явно отстает от ее физиологической зрелости.

Арбузов: Почти всякое вмешательство общества в личную жизнь крайне опасно до той поры, пока само общество не станет идеальным. Но в идеальном обществе вмешательство в личную жизнь будет, видимо, ненужным.

Журналист: Наверное, эти ответы моих собеседников являются своеобразной реакцией на то, когда у нас бесцеремонно вмешиваются в личную жизнь взрослых людей. Но ведь ничего из ничего не рождается. Как-то мы должны готовить людей к созданию семьи, воспитывать в них чувство ответственности не только за себя, но и своих близких. Ведь общество — это и семья, и школа, и институт. Другое дело — формы и методы, степень необходимости подобного вмешательства. Но это в порядке отступления. А сейчас — следующий вопрос.

Плохо это или хорошо —

брак с расчетом? Разумеется, речь идет не о браках в корыстных целях, не имеющих ничего общего с любовью, а об умении людей трезво взглянуть на то, смогут ли две личности ужиться вместе, создать настоящую семью? Очевидно, все-таки нельзя брать обязательства перед семьей, женой, детьми, пока ты не сможешь эти обязательства выполнить. Если девятнадцатилетний женится на шестнадцатилетней, молодые люди сплоск в рядостановятся на хлебниками, иждивенцами или у государства или у мамы с мамой. Наверное, это тоже своего рода ханжество.

Шепитько: У каждого человека, вступающего в брак, есть расчет создать счастливую семью. Весь вопрос в том, насколько это «математическое» выражение «расчет» осмысленно всей прожитой жизнью.

Арбузов: Конечно, брак может быть и трудоустройством. Но тогда все это должно называться как-то иначе.

Журналист: Значит, вы согласны с тезисом: «С милым рай и в шалаше?»

Шепитько: Согласна, если шалаш не протекает.

Журналист: Я, наверное, тоже. А сейчас самый каверзный вопрос: что же все-таки такое настоящая любовь?

Шепитько: Любовь, как известно, — чудо. И, как всякое чудо, она необъяснима. Но удивительна она тем, что настаивает почти каждого из нас, а точнее — каждого. К сожалению, мы не все бываем подготовлены к тому, чтобы принять ее и осознать своевременно всю истинную ценность этого дара.

Арбузов: Разрешите объединить и два последних вопроса. Откладывание брака до тех пор, пока человек, так сказать, оперится на мой взгляд, плодит мешаю. Убежден, что любовь не всякому по плечу. Но уж, конечно, она не терпит расчета. «Вот встану на ноги тогда и позволю себе брак» — предпосылка, заранее убивающая любовь — страсть, без которой семейная жизнь немногочего стоит. Вставать на ноги надо совместно, весело помогая друг другу в этом сложном и увлекательном процессе.

Следовательно, на мой взгляд, «с милым рай и в шалаше», это и есть настоящая любовь.

Сие, конечно, не обозначает, что людям, поселившимся не в шалаше, а в некоем более прочном и удобном жилище, недоступна настоящая любовь. Доступна, если они не бездарны, а талантливы в любви.

Разумеется, все сказанное выше крайне субъективно и отнюдь не бесспорно. Однако полагаю, что подобная форма разговора имеет смысл и продуктивна при обсуждении столь непростых и зыбких понятий.

МУЖЧИНА И ЖЕНЩИНА

Журналист: Когда-то Джером Джером написал о том, что во всей мировой литературе он знает только один сюжет: жил-был мужчина и жила-была женщина и они любили друг друга. Мы будем говорить не о литературе, а о любви, о мужчине и женщине, которые любят друг друга.

Думается, что, хотя физиологическая основа чувства не меняется тысячелетиями, нравственная сторона его меняется, приспосабливается к требованиям времени и законов. Отсюда вопрос: в чем вы видите нравственную основу любви в наше время, в нашем обществе?

Шепитько: В наш век силы, разъединяющие людей, стали так сильны (и об этом так много уже написано и высказано), что сила, соединяющая их, должна быть гораздо прочнее, чем раньше. По-моему, это и есть нравственная основа сегодняшних отношений между мужчиной и женщиной.

Арбузов: Нравственную основу любви составляет, на мой взгляд, желание любящего открыться в любимом человеке то, что было до сей поры не замечено никем, открыться для всех людей то лучшее, те богатства, что были скрыты не только для постороннего глаза, но и для самого обладателя этих богатств.

Журналист: Как вам кажется, хотя это и несколько навязный вопрос, возможны ли в современном мире Ромео и Джульетта? Что это — счастливое или досадное исключение из правил? Верно ли мы поступаем, когда и по сей день берем их историю за некий эталон любви?

Шепитько: Мы все считаем,

что любовь относится к вечным понятиям так же, как добро и зло, дружба и доброта, и это тем самым как бы делает ее вневременной. При этом мы забываем, что каждое время выдвигает свои критерии добра и зла, любви и доброты. Прекрасно, что существовала любовь Ромео и Джульетты, дружба Герцена и Огарева, доброта Пьера Безухова, но надо помнить — сейчас другое время и, следовательно, другая любовь, другая доброта и другая дружба.

Журналист: Как-то Грин написал: «Они жили долго и умерли в один день». В свое время Резерфорд, способный новозеландский студент, говорил любимой, что они поженились только тогда, когда он станет университетским профессором. И она ждала много лет. Он держал большое испытание и перед собой и перед своей любовью. В чем предпосылки такой любви? В умении ждать? В самовоспитании? В вере в себя? Или в чем-либо другом?

Шепитько: Описанный образ слишком по-мифологически высок, и я не уверена, что даже герои Грина смогли бы ответить на этот вопрос аналитически.

Арбузов: Второй и третий вопросы я объединяю. В современном мире и Ромео и Джульетта, конечно, возможны. Правда, не слишком часто, но мы встречаем их. Они возможны в силу того, что юности свойственна аффектация чувств и сознательная драматизация поступков. Вероятно, в какой-то степени это не слишком плохо — страстность действий и некоторая доля счастливого безрассудства полезны молодости.

лом любви, ибо ждать любимого человека десятилетиями, не видя его, пожалуй, легче, чем прожить с ним бок о бок менее долгий срок и сохранить при этом всю силу своего чувства. Только время, совместно проведенное любящими, определяет силу и прочность любви.

Однако тихая, мирная совместная жизнь, иногда даже схожая со счастьем, и бывает часто тем подводным рифом, о который разбивается трепетное чувство влюбленности. Каждодневность, монотонность, обыденность, этакое вежливое совместное прозябанье бывают страшнее самого страшного.

А счастливы — это, вероятно, только те, кто имеет талант быть неповторимым, неприступно новым, оставаясь при этом самим собой, всегда богатым душевно, умеющим надолго сохранять в себе ощущение самых первых дней любви.

Можно ли воспитать в себе этот талант? Вероятно — если любовь взаимна и необходима обоим.

Журналист: Но в наше время появились моменты, которых не знали наши предшественники. Нередко можно услышать, что научно-техническая революция привела к опрошению человеческих чувств и сорвала с любви покровы романтической тайны. Спустимся с высот теории на грешную землю. Статистика фиксирует значительное количество разводов, случайных связей.

Как-то в одной из зарубежных молодежных газет мне пришлось увидеть результаты опроса о семье и браке большой группы молодежи. Меня несколько удивило, что большинство опрошенных не верит в супружескую верность. На-

Коллекция альбомная и правая, Москва, 1968, 19 ноября